

В ночь рождения четвёртого ребёнка наместника ничто не беспокоило обычно шумный прибрежный город. На небе, гладком как шёлковый отрез высшего качества, жемчужной россыпью сияли звёзды, игриво подмигивая друг другу. Шёпот юных, несмелых листочков, подхваченный дуновением лёгкого ветерка, невидимо струился по улицам, затихая в тёмных проулках.

Ранние весенние ночи на Востоке ещё несли с собой прохладу нежелающей отступить зимы и тяжёлую, колкую морскую влагу. Дом наместника, большой, с крышей из красной черепицы, в ночи казавшейся чернильно-чёрной, находился на возвышенности с которой открывался поистине завораживающий вид на бескрайние морские просторы. Той ночью даже зеркальная водная гладь пребывала в спокойствии, чуть позолоченная в лунном свете, она лишь слегка покачивалась в такт глубинным течениям, сливаясь с небом далеко за горизонтом. Чёрные силуэты маленьких островков безмолвно покоились в ней драконьими гребнями.

Казалось, замерло всё — течение времени и сама природа, затаив дыхание в ожидании.

Женщина почтенного возраста, низенькая, с проседью в тугом пучке тёмных волос, вздрогнула, испуганная неожиданным ржанием привязанного к тонкому стволу персикового дерева ослика.

— Вот же глупое животное, — вздохнула она, приложив к груди сухую, морщинистую руку.

В этом доме она привела в мир уже троих сыновей, шумных и жизнерадостных. Во всём городе не сыскалось бы повитухи опытнее и умелее, но отчего-то даже ей в эту безмолвную, тихую ночь было беспокойно.

— Матушка?

Женщина средних лет с россыпью мелких морщинок вокруг глаз мягко коснулась её плеча.

— Кажется, пора.

Вздыхнув, повитуха кивнула и мелкими шажками поспешила в дом, чуть приподняв полы одежды.

— Принеси побольше чистых тряпок и прохладной воды, — наказала она строгим тоном, — беспокойно мне что-то.

— И правда, в такой день — и дитя родить[1].

Одарив дочь строгим взглядом, женщина шикнула, прищурив и без того по-старушечьи узкие глаза.

— Поменьше болтай. Не хватало ещё, чтобы и до Лун Цзы-фанбо[2] сплетни дошли, будто дитя его проклято.

В небольшой пристройке было тепло, пахло лекарственными травами и горело столько свечей, что казалось, будто рассветное солнце уже озарило её своим мягким золотистым светом.

Жена наместника, дарившая жизнь уже четвёртому ребёнку, по меркам умудрённой опытом повитухи, была ещё совсем юной, моложе её собственной дочери. Изыщная и тонкая, отданная замуж хрупким бутонем, Шан Юйлань, год от года становилась только прекраснее, раскрываясь благоухающим цветком. Ей было всего шестнадцать, когда судьба столкнула их в

первый раз — совсем ребёнок.

— Мой господин, — говорила она, сжимая пальцами фартук, — ваша супруга столь юна и изящна. Боюсь, она может не справиться.

Но, несмотря на мнимую хрупкость, Шан Юйлань оказалась стойкой и нестигаемой как стебель бамбука в расцвете сил. С того дня минуло целых одиннадцать лет. Шан Юйлань подарила жизнь трём замечательным сыновьям с такой же лёгкостью, как певчая птица взмывает в безоблачное небо. Но рано или поздно и её должна была настигнуть буря.

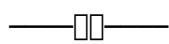
— Моя госпожа, вам нужно постараться. Ещё немного, ну же.

Крови было так много, что не осталось чистой воды — ведра, тазы, миски — всё окрасилось в алый. Запах ржавого железа, заглушая и успокаивающие благовония и горькие травы, вызывал тошноту. В эту тихую, безмолвную ночь Шан Юйлань кричала как никогда. Бледная, как едва выпавший снег, срывая голос, ломая ногти о деревянные половицы, она едва держалась в сознании.

То была тёмная, кошмарная ночь, полная страданий и изломанных чёрных теней, густой алой крови и обжигающих слёз.

К счастью, стойкость Шан Юйлань не изменила ей и в этот раз и к рассвету, красному как окровавленная пасть дикого зверя, слабый крик новой жизни раздался в тишине.

Четвёртый сын семьи Лун пришёл в этот мир.

С тех пор минуло пять лет. Лун Юншэн рос тихим ребёнком. Таким же тихим, как и та ночь, в которую он родился. Волосы белые как морская пена; глаза прозрачные как первая весенняя капля — он был почти бесцветным, но странным образом очень заметным. Люди косились на него, шептались, сторонились. Казалось, его не любило даже солнце, до боли обжигая нежную бледную кожу.[3]

Родись Юншэн в простой крестьянской семье, его бы суеверно сбросили со скалы прямо в море. Ему повезло прийти в этот мир сыном наместника и племянником князя. Повезло с любящей матерью, в тёплых объятиях которой он всегда мог найти утешение. Повезло иметь целых трёх старших братьев, которые не сторонились его в отличие от других детей, запуганных суеверными родителями. И хотя Юншэн был слишком мал, чтобы понимать точные причины такого к себе отношения совершенно незнакомых людей, испуганные шепотки, сплетни и косые взгляды день ото дня ранили его всё сильнее. Он был всего лишь ребёнком. Слабым, беззащитным и впечатлительным. В свои пять он едва ли понимал, что такое смерть, но именно это слово преследовало его скрипучими, приглушёнными людскими голосами.

В отличие от своих братьев, Юншэн был мечтателем. Непохожесть на остальных и предрассудки суровой реальности заставляли его маленькое, детское сердце искать убежище в далёких мирах и старых сказках. Бескрайнее море, единое с небом на горизонте, завораживало его. И пока все вокруг него жили скучные жизни, он воображал далёкие земли, где никто бы в страхе не отводил от него глаз.

История семьи Лун уходила истоками во времена столь давние, что с течением лет всё больше начинала походить на сказку. История простого, бедного юноши, обретшего небесное благословение. Какой ребёнок об этом бы не мечтал?

Задолго до рождения нынешнего правителя, дяди Юншэна, на месте Лунчжу не было ничего, кроме бескрайней водной глади — лазурь бездонного моря и синева безоблачных небес. В то время миром правили древние боги и непостижимые силы. И пока людской род множился, свободных земель становилось всё меньше. Тогда могущественный Золотой Дракон, облетая свои бесконечные владения, решил поделиться ими с людьми. И море отступило, и поднялась со дна суша — благодатный край, благословлённый могущественным божеством.

Долгие годы люди жили в мире, устраиваясь на новом месте, возделывая почву и возводя дома, а Золотой Дракон правил ими и защищал. Но каким бы могущественным ни был их покровитель, он был далёк от понимания человеческой натуры — горделивой и воинственной.

И разразились войны. Кровавопролитные междоусобицы, подлые битвы за власть и господство одного человека над остальными. Мифическое существо, что даровало им дом, но не могло стать одним из них, утратило контроль. И тогда Золотой Дракон заплакал и первая из его слёз обернулась жемчужиной — сияющий в лучах солнца, маленький сгусток бесконечной внутренней силы, что человеку никогда ранее не доводилось познать.

— Кто завладеет этой жемчужиной, — рокотал Золотой Дракон биением волн об острые скалы, — получит силу, доселе невиданную. Лишь самый достойный обретёт власть, что все вы так жаждете. И править ему, не зная ни смерти, ни болезни, покуда сам ни пожелает уступить своему преемнику.

И, взмахнув хвостом, жёлтым как само солнце, бросил жемчужину в море.

Так люди обрели цель и на долгие годы прекратились войны. Поиски поглотили жителей Лунчжу, но обещанный избранный всё никак не находился, пока однажды двое друзей, скромных и тихих крестьян, не решили попытать удачу. Превозмогая порывы хлесткого солёного ветра и высокие могучие волны, они заплыли на хлипкой лодчонке так далеко, как никто ранее не отваживался. Нырять до самого заката, они почти обессилили. И когда пришло время возвращаться, один из них не смог подняться со дна. Верный друг, из последних сил втащив товарища на лодку, как бы ни пытался, не смог привести его в чувства. Проклиная собственную алчность и самого Золотого Дракона, он плакал посреди сверкающей лазурной бесконечности, пока не заметил тёплое, золотистое свечение в сжатом кулаке бездыханного тела.

Не было ни радости, ни ликования. Лишь горечь потери и едкая, разрушающая ненависть. Простой крестьянский мальчишка, едва переступивший порог мужественности, держа в руках власть над всеми людьми, замахнувшись, выбросил жемчужину обратно в море, закрыв заплаканное лицо дрожащими ладонями.

И тогда Золотой Дракон явился.

Искрящаяся чешуя, бездна синих как само море глаз.

— Ненавидь меня сколько угодно, — говорил он шелестом волн, — но не отрицай собственное достоинство.

Жемчужина, тёплая, светящаяся изнутри блеском солнечных лучей, вернулась в ослабевшую юношескую ладонь.

— Не из любви к тебе, — дерзко выплюнул простой мальчишка в клыкастую пасть самого божества, — но в память о нём.

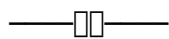
Когда люди обрели самого неожиданного для себя правителя, Золотой Дракон исчез. Блѣклыми ракушками осыпалась драгоценная чешуя, а сам он погрузился в море, заснув вечным сном. И с тех пор на месте его колыбели высятся десятки островов, и дно вокруг них усеяно жемчугом.

Долгие годы правил простой крестьянский мальчишка. Мудро и мирно. И все ждали, кого же тот назначит преемником, кому передаст драконью жемчужину. Но когда пришло время, поднявшись на обрывистую скалу со своим юным сыном, он без сожалений, замахнувшись как много лет назад, выбросил её обратно в морскую пучину.

— Лишь поступки определяют твоё достоинство, — сказал он удивлённому сыну, — если для уважения нужен атрибут, то ты его недостоин.

И вслед за Золотым Драконом ушёл и первый правитель Востока.

Первый из рода Лун.

С незапамятных времён род Лун не прерывался и каждый из них правил настолько достойно, что народ едва ли мог пожелать другого князя. История о жемчужине Золотого Дракона осталась лишь красивой легендой. Происходило ли это на самом деле, никто не знал, но со временем именно жемчужный промысел, зародившийся как раз во времена её поисков, принёс Лунчжу богатство и процветание.

Родившись в прибрежном городе и обладая богатой фантазией, Юншэн мечтал стать ловцом жемчуга. Это ремесло казалось ему настолько волшебным, что замирало сердце и поджимались пальцы на ногах. Дом наместника находился на возвышенности и каждый день, сидя в тени благоухающего персикового дерева, он с восторгом наблюдал за россыпью маленьких лодочек на искристой морской синеве — с высоты они казались маленькими чернильными каплями на холсте художника.

Живя на островах, ныряльщики, как правило, не были благородного происхождения, но Юншэн восхищался ими даже больше, чем собственным отцом, родным братом действующего князя. Каждый день, когда небо на закате окрашивалось в розовый, они приставали к берегу Хайяня, чтобы отдать улов чиновникам и торговцам. От дома к самому берегу был удобный спуск и Юншэн с раннего детства сбегал по нему, чтобы понаблюдать за ловцами поближе.

В один из таких дней он, споткнувшись о неудачно подвернувшийся под ногу камень, почти кубарем скатился прямо на прогретый жарким летнем солнцем песок. Высота не была сильно большой, но острые песчинки больно расцарапали ладони. Соломенная шляпа, которую Юншэну приходилось носить даже вечерами, чтобы защитить кожу от солнца отлетела на пару шагов вперёд.

— Не ушибся? Что же ты так неосторожно!

Мальчик, по виду всего на пару лет старше самого Юншэна, заметив его, поспешил помочь подняться и протянул шляпу, аккуратно стряхнув с неё песок. Ремеслу ныряльщики обучались с самого детства и незнакомец, хоть и был ещё совсем ребёнком, уже обладал крепкими плечами и ровным бронзовым загаром. Он улыбался Юншэну и улыбка его, искренняя и чистая, не померкла даже при мимолётном взгляде на растрепавшиеся от падения белые волосы.

В тот вечер у Юншэна появился первый друг. Мальчика звали Юн Тао и отец-ныряльщик часто брал его с собой, наказывая присматривать на берегу за лодкой. И то ли Юншэн в тот вечер выглядел слишком несчастным, то ли Юн Тао просто нравилось радовать неуклюжих детей. Сняв с пояса небольшой мешочек, он насыпал Юншэну в ладонь целую кучу мелких ракушек.

— Они ничего не стоят, но смотри, какие красивые! Там на дне их с ума сойти сколько!

Ракушки, и правда, были красивыми. Белые, желтоватые, серые, с острыми гранями и резными завитками, шершавые снаружи и глянцево-гладкие внутри. Они, действительно, ничего не стоили для Юн Тао, но для Юншэна были почти сокровищем, полученным от кого-то, кто впервые не смотрел на него с опаской.

С того вечера Юншэн часто приходил к берегу и, затаив дыхание, слушал сбивчивые рассказы о красотах морского дна, стайках разноцветных рыб и такой непохожей на его жизни на островах. Было одновременно так приятно и так странно просто беззаботно смеяться с кем-то, кто не являлся его старшим братом.

Но однажды Юн Тао не появился.

И на следующий вечер.

И на следующий.

Юншэн приходил на берег каждый день, но лишь спустя три недели, наконец, заметил его отца. Он уже видел этого мужчину — широкоплечий, с такой же бронзовой кожей, он всегда странно поджимал губы, когда Юн Тао смешливо махал Юншэну на прощание, ловко впрыгивая в лодку. В тот вечер он выглядел особенно уставшим. Но Юншэн не обратил внимания ни на тёмные круги под глазами, ни на опущенные плечи. С детской непосредственностью он подбежал к нему.

— Дядюшка Юн! — Воскликнул он, цепляясь пальцами за ткань льняных, выгоревших на солнце штанов. — Почему Тао-гэ больше не приходит?

Злоба чужого взгляда обожгла Юншэна так больно, что перехватило дыхание. Резко выдернув ткань штанины из цепких детских пальцев, отец Юн Тао оттолкнул его, словно Юншэн был не обычным ребёнком, а чем-то до того мерзким, чего и касаться было постыдно. Неловко плюхнувшись на песок, Юншэн удивлённо замер, смотря на пугающе возвышающегося над ним мужчину.

— Ты... — сквозь зубы цедил он, — ...как смеешь ты, байсэ сыван[4], спрашивать о моём бедном Тао-Тао? Я позволял ему общаться с тобой! И что в итоге?! Мой несчастный мальчик, что научился плавать раньше, чем ходить, утонул! После знакомства с тобой...

В тот вечер Юншэн просидел на опустевшем берегу до самой ночи. Маленький мальчик, обвинённый в том, о чём он даже не имел понятия. Прижатые к груди колени, слёзы на холодных щеках — первое горе, солёное как бескрайнее море, скрипучее как остывший мокрый песок.

Казалось, он просидел бы так целую вечность, пока морской бриз не обратил бы его в безжизненный соляной столп.

— Боги, Юншэн-а! Мы все тебя обыскались! Что ты делаешь здесь совсем один?!

Взволнованный голос матери звучал приглушённо, словно сквозь толщу воды. Дрожа, но не от холода, Юншэн уткнулся в её грудь, пряча заплаканное, опухшее лицо в прохладе шёлковых тканей.

— Ма... — задыхаясь, рыдал он в объятиях ничего не понимающей Шан Юйлань. — ...мама...я его не уб... не убивал.

Шан Юйлань погладила его по спутанным, белым как снег волосам.

Та ночь была тёмной и тихой. Совсем такой же, когда Юншэн пришёл в этот мир, едва не забрав из него её саму.

В ту ночь в семью Лун постучала смерть.

Комментарии и примечания:

[1] Лун Юншэн родился четвёртым ребёнком четвёртого числа четвёртого месяца. Китайское слово «четыре» (四) произносится как "сы", что очень похоже на слово «смерть» (死), произносимое как "сы". Они различаются лишь тонами. Эта фонетическая близость является главной причиной, почему цифра 4 ассоциируется с несчастьем. Хуже дня рождения для китайцев и не придумать.

[2] Лун Цзы — «пурпурный дракон» — отец Юншэна.

Фанбо (番部) — должность наместника, управлявшего от имени вана (царя) окраинными землями (в период полулегендарной династии Шан-Инь и последующей династии Чжоу).

[3] Юншэн альбинос. На самом деле, я почти не нашла информации об отношении к альбиносам в древнем Китае. В моей интерпретации оно негативное, ведь белый — цвет траура. Плюс обилие четвёрок в дате рождения и то, что родился он четвёртым...в общем, бедный Юншэн, собрал полный комплект.

[4] байсэ сыван (白死) — белая смерть

п.с. как-то раз я сказала, что Император — кусок дерьма. на самом деле, нет. конечно, нет. он просто очень сломанный ребёнок.

<http://bllate.org/book/14934/1323658>